

0. 772068

На правах рукописи

ТЕЛЕГИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**ЯЗЫКОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва 2008

Работа выполнена на общеуниверситетской кафедре философии Тюменского государственного университета

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор
Микешина

Людмила Александровна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Ключарев Григорий Артурович

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000467742

доктор философских наук, профессор
Харитоновна Ирина Викторовна

Ведущая организация Российский институт культурологии

Защита состоится 20 X 2008 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.154.06 при Московском педагогическом государственном университете по адресу:
117571, Москва, проспект Вернадского, д.88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского педагогического государственного университета по адресу: 119992, Москва, ул. М. Пироговская, д.1.

Автореферат разослан «18» X 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.В. МИХАЙЛОВ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

В основе понимания современного общества, описываемого метафорами «общества знания», «суперсимволической экономики», «сетевого общества», «состояния постмодерна», «рефлексивной модернизации», «общества риска», «коммуницирующего сообщества» и т.д., несмотря на существенные различия в подходах, лежит понятие социальной и лингвистической коммуникации. Смена научной парадигмы, произошедшая в XX столетии, затронула не только сферу социально-гуманитарного знания, но и практически всю совокупность научных представлений, социально-философскую картину мира в целом и описывается нередко как коммуникативный, лингвистический, риторический или дискурсивный «поворот». Коммуникация настолько глубоко укоренена в человеческом поведении и социальных структурах, что чрезвычайно трудно представить какие-либо социальные события или практики, в которых бы она не присутствовала. Соответственно и понятие коммуникации приобрело ключевое значение в современных социальных и информационных теориях, при этом оно продолжает оставаться многозначным, а его содержание является одним из наименее проясненных - как в социальном философствовании, так и за его пределами.

Современные глобализационные процессы ведут к дальнейшему усилению взаимозависимости, связанности, ослаблению границ, исторически сложившихся между различными территориями. Уплотнение взаимодействия осуществляется на всех социальных уровнях и в различных сферах - экономике, политике, культуре, науке, образовании. Процесс глобализации осуществляется через создание глобальной сети культурных, в том числе и лингвистических кодов и сообщений. Глобализация, таким образом, выступает одним из проявлений интенсификации и расширения социальных коммуникаций, приобретающих тотальный характер и охватывающих практически все измерения социокультурной действительности. Резко возрастает и значение самих языковых коммуникаций при одновременном нарастании напряжения между обостряемым глобализацией стремлением к социальному единству, с одной стороны, и культурному своеобразие - с другой.

Как показывает анализ современных социально-теоретического и политического дискурсов, а также исследуемой в работе в качестве конкретного материала одной из важнейших проблем европейского общества - языковой конвергенции и плюрализма в европейской интеграции (глава III) - проблема интеграции нередко обсуждается вне языкового контекста. Это можно отметить и по отношению к анализу политической истории Европы, также осуществляемому, как правило, без учета роли и способов языковой коммуникации. Редко можно встретить какие-либо указания на то, каким образом, в процессе каких процессов коммуникации и с использованием какого лингвистического кода или кодов было достигнуто то или иное политическое решение, сформирован тот или иной политический альянс. Это касается и интерпретаций культурных процессов, где, как правило, остается не

проясненным то, с помощью каких коммуникативных инструментов осуществлялись обмен, распространение и взаимопроникновение тех или иных идей, или же, напротив, как языковые барьеры препятствовали этим процессам. Даже в истории строительства национальных государств недостаточное внимание уделяется анализу языкового фактора, хотя именно он играл исключительно важную роль в данном процессе, выступая в качестве одного из важнейших средств консолидации нации и формирования национальной идентичности. Все это чрезвычайно актуализирует анализ языковых процессов и попыток их политического регулирования в контексте европейского интеграционного процесса.

Актуальность темы, таким образом, определяется:

- возрастанием значимости языковых коммуникаций в современном обществе - как в политике, так и в экономике и культуре, изменением их социальной роли в условиях глобализационных процессов и связанных с ними социальных трансформаций;
- необходимостью философской рефлексии теоретических, реальных социально-политических факторов и эпистемологических предпосылок основных подходов к языковой коммуникации и лингвистической политике в трансдисциплинарной и историко-герменевтической перспективе;
- важностью осмысления тенденций и подходов собственно социальной философии к изучению феномена языковых коммуникаций на основе анализа как существующего теоретического, так и конкретного эмпирического материала в различных областях общества и культуры;
- важностью языка и языковых коммуникаций в определении коллективной идентичности, государственного и национального строительства, формировании и поддержании культурного суверенитета той или иной общности, а также в обеспечении социальной коммуникации и связности;
- интенсификацией социокультурных процессов, связанных с транснациональными взаимодействиями (международной торговли, форсированного развития новых технологий, интернационализацией культуры и образования и пр.), с одной стороны, и с проблемами культурной идентичности – с другой;
- необходимостью переоценки и усиления внимания к факторам языковой коммуникации как в разработке и воплощении тех или иных политических стратегий, так и в теоретическом осмыслении социальной истории и современности;
- особой важностью исследования роли языковых коммуникаций в контексте специфического «поля» европейской языковой политики находящегося в центре сложного взаимодействия теоретических подходов (и к самому феномену языка, и к языковой политике как теоретической дисциплине), различных политических дискурсов и многообразных социокультурных факторов.

Степень разработанности проблемы

Понятие языковой коммуникации относится к числу всеохватывающих теоретических концептов, что требует обращения к анализу научных дискурсов различных уровней и направлений, применения принципа «разноуровневости методологии» (В.А.Штофф), комплексного и междисциплинарного подходов. Это связано с тем, что языковая коммуникация является основной средой и источником всего человеческого поведения, всей социальной практики, она сама и есть суть социального бытия человека. На современном уровне развития общества, определяемом высочайшим уровнем развития коммуникационных технологий, символические системы, главной из которых является язык, превращаются не только в основу социальной связности, но и в мощное средство осуществления властных отношений. Именно это требует внимательного исследования мотиваций и способов управления лингвистическими процессами, одной из наиболее эксплицитных форм которых выступает языковая политика и планирование. Степень изученности проблемы, таким образом, складывается из нескольких областей научного и философского анализа: 1) основных философских и теоретических подходов к языку – от И.- Г. Гаманна, Й.- Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра – до современных теорий – в контексте метатеоретической парадигмы, определяемой так называемым «коммуникативным» или «лингвистическим» поворотом; 2) исследований феномена социальных коммуникаций и роли лингвистических коммуникаций в социальной реальности; 3) исследований, посвященных коммуникативному аспекту европейской интеграции в связи с проблемой социокультурной идентичности; 4) изучения политических и социолингвистических моделей в управлении языковыми процессами в современной Европе в междисциплинарном контексте теории языковой политики.

Первое направление, касающееся философских общетеоретических подходов к языку, достаточно широко представлено в отечественной и зарубежной литературе. Современные исследования языка в той или иной степени определены направлениями, заданными идеями и взглядами двух ключевых фигур – В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра. Несмотря на то, что к Гумбольдту восходит представление о языке как деятельности (*energeia*), а Соссюр считается родоначальником системно-структурного подхода, оба они неоднократно обращали внимание на социальную сущность языка. Именно эти две фигуры непосредственно связываются с так называемым «коммуникативным» или «лингвистическим поворотом» в социальных науках. «Лингвистический поворот», проявившийся в творчестве Ф. де Соссюра, например, оказал огромное влияние не только на разработку методологии, используемой в целом ряде социогуманитарных дисциплин, но и на само их формирование. Его идеи получили продуктивное развитие в работах представителей Пражского лингвистического кружка в 1920-1930-е гг., в частности, Р. Якобсона. Модель коммуникативной ситуации Р. Якобсона легла в дальнейшем в основу многих подходов к понятию социальной коммуникации.

Идеи Гумбольдта и Соссюра получили дальнейшее воплощение в рамках двух основных философских традиций рассмотрения языка – англо-американской, или «аналитической» и континентальной, или экзистенциально-герменевтической. Первая представлена трудами раннего Л. Витгенштейна, Г. Фреге, Ч. Морриса, Ч. Пирса, Б. Рассела, Н. Хомского, Дж. Фодора, Дж. Катца, Дж. Уиздома, Дж. Райла и Дж. Остина, Ф. Боаса, Э. Сэпира, Б. Уорфа, Ч. Филмора, Дж. Лакоффа, Дж. Серла и многих других. В традиции «континентальной» философии поворот к языку наметился уже на рубеже XVIII и XIX вв.: в конце эпохи Просвещения социально-философский аспект языка становится центром активного обсуждения. Прямо или косвенно эта тема находит развитие в работах Д. Вико, Э.Э.К. Шэфтсбери, занимает исключительно важное место в творчестве И.-Г. Гаманна и Й.-Г. Гердера, всесторонне разрабатывается в исследованиях В. фон Гумбольдта, в сочинениях немецких романтиков. В дальнейшем она находит развитие в поздних работах Ф. Ницше, В. Бенямина, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса, а также нео-гумбольдтианцев Л. Вайсгербера, К. Фосслера, В. Порцига, Б. Снелла и др.

С «коммуникативно-лингвистическим поворотом» XX столетия и выходом на первый план герменевтической парадигмы, интерес исследователей все больше смещается к описанию, осмыслению и попыткам моделирования различных ситуаций убеждающего воздействия. Вопросы риторического воздействия так или иначе затрагивались многими философами прошлого (Сократом, Платоном, Аристотелем и т.д.) и современными теоретиками. Это стимулировало разработку соответствующей проблематики в области теории аргументации Х. Перельмана, Л. Олбрехт-Тытеки, С. Тулмина, М. М. Бахтина. Работы представителей первого поколения «неориториков» оказали заметное влияние на формирование проблематики и характер аналитических процедур, получивших широкое распространение у представителей французского структурализма Р. Барта, Ж. Женетта, А.-Й. Греймаса, К. Бремона. Наиболее влиятельный в настоящее время социально-конструкционистский подход представлен в теории социальной коммуникации П. Бергера и Т. Лукмана, опирающихся на классические работы К. Маркса, Э.Дюркгейма, М. Вебера, А. Шюца и Дж.Г. Мидса. Вопросы, связанные с социально-конструкционистским подходом, исследуются многими отечественными учеными (Л.А. Микешина, В.М. Розин, Ю.Л. Качанов). Одним из важнейших концептов коммуникативной парадигмы стало понятие дискурса (Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен). Важную роль в его разработке и в определении сферы и функций новой риторики сыграло творчество М.Фуко и П. Бурдьё. Понятие дискурса находится в центре так называемой «критической лингвистики», разрабатываемой Н. Фэрклау и Дж. Толлефсоном. Принципиальной особенностью неклассической философии является рассмотрение коммуникации в аспекте «контингентности», продвижения к принципиально неизвестному результату. В наиболее выраженной форме это проявляется в подходах К. Леви-Стросса, Р. Якобсона, А. Греймаса, а также Ж. Лакана, Ж. Дерриды, Р. Барта, Ж.-Ф. Лиотара. Интерес к проблемам философии языка и языковых коммуникаций велик и в работах отечественных

философов и лингвистов (В.М.Алпатов, С. А. Азаренко, А.К. Авеличев, С.С. Аверинцев, Н.С. Автономова, Г.С. Батыгин, И.М. Быховская, П.П. Гайдено, И.Н.Грифцова, Ю.Л. Качанов, Т.Х. Керимов, М.С. Козлова, Л.А. Микешина, О.А. Радченко, Ю.В. Рождественский, В.М. Сергеев, А.В. Соколов, И.В.Харитонов и др.).

Направление, связанное с исследованием феномена социальных коммуникаций и роли лингвистических коммуникаций в социальной реальности, представлено в концепциях целого ряда современных западных и отечественных социальных теоретиков: Т. Парсонса, Э. Гидденса, М. Кастельса, У. Бека, Дж. Ритцера, Дж. Узбстера, И. Валлерстайна, Н. Элиаса и др. Особенно глубокое развитие эта проблематика получила в подходах Н. Лумана, Ю. Хабермаса и П. Бурдьё, отразивших попытки современных философов решить одну из наиболее актуальных для современной социальной теории дилемм – структуры и действия. В теории социальных систем Н. Лумана и его последователей (Л. Лейдерсдорф) своеобразно реализуется методология конструктивизма. Анализ этой теории представлен во многих работах (Ф.Ю. Антоновского, Н.А. Головина, О.В. Поскопиной, Дж. Ритцера и др.). Один из наиболее известных вариантов социальной теории, в центре которой находится понятие коммуникации, - это концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса. Его идеи нашли отклик в подходах ряда западных и отечественных авторов: Н. Додда, Р. Брауна, Д. Гудмана, Ф. Пуло, Н.В. Мотрошиловой, А.В.Назарчук, А. Денежкина и др. Подход к языковой коммуникации с позиции социальной практики П. Бурдьё рассматривается в работе как продуктивная попытка опосредования системно-структурного и деятельностного подходов.

Третье направление исследований, связанных с рассматриваемой в работе проблематикой, посвящено коммуникативному аспекту европейской интеграции в связи с проблемой национальной идентичности. Тема национальной идентичности в контексте проблемы становления европейской государственности активно разрабатывается в многочисленных работах как западных (Э. Геллнер, Э. Смит, К. Калхун, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон, Б. Гисен, С. Райт, М.Хрох, А. М. Тиссе, Дж. Фишман, Р. Филипсон, М.Франк, М. Кёниг), так и отечественных исследователей (Л.Г. Ионин, Т.Ю. Сидорина, Т.Л. Поляничников). Вопросы языковой политики в контексте дилеммы социального единства и культурного своеобразия прорабатываются различными европейскими исследователями: Д. Блоком, Д. Камероном, П. Дейвисом, Л. Доминелли, С. В. де Венденом, К.Т. Уилкинсоном, Л. Гринфельдом, П. Губбинсом, Ф. и Й. Лисандроу, Д. Кристаллом, Д. Грэддолом, Дж. Хаусом, М. Холтом, Т. Камуселлой, М. Кенигом, П. Нелде, Т. Рисенто, О. Шабани, Х. Шифманом, Р. Шмидтом и др.

Обзор основных направлений исследования языковых коммуникаций позволил автору диссертации выявить тему особой значимости – языковые коммуникации как объект социально-философского анализа, поставить задачу выявления категориального статуса этого понятия, его необходимости для анализа природы и структуры социальной реальности, разработки теории

современного общества в целом. Особым объектом исследования стало бытие социальных и языковых коммуникаций как самовоспроизводящегося социокультурного феномена в его всеобщности, пространственной и национальной специфике, опосредующего и воссоздающего картину мира и самого субъекта.

Предметная область исследования – формы бытия языковых коммуникаций в структуре современного общества, социально-эпистемологические основания современных тенденций в их развитии, а также процессы управления ими в форме языковой политики и планирования с учетом метатеоретического и междисциплинарного контекстов.

Цель исследования состоит в том, чтобы разработать социально-философское понимание категории «языковые коммуникации», представить и обосновать авторскую интерпретацию и решение проблем исследования феномена языковых коммуникаций на основе собственно философского и комплексного междисциплинарного подходов. В сочетании с эмпирическими исследованиями дать теоретическое обоснование социальным и культурным смыслам процессов языковой коммуникации в современном обществе в связи с изменением их социальной роли в условиях глобализации и обусловленных ею социальных трансформаций.

Задачи исследования

- рассмотреть основные социально-философские смыслы понятия социальных коммуникаций и определить место и роль языковых коммуникаций в современном обществе;
- проанализировать эволюцию и прояснить эпистемологические предпосылки основных подходов к языку и языковым коммуникациям в европейской философской и теоретической традиции в трансдисциплинарной перспективе;
- описать, систематизировать и интерпретировать метатеоретический контекст понятий языка и языковых коммуникаций в преобладающих европейских социокультурных дискурсах на основе герменевтического подхода;
- исследовать способы взаимодействия связанных с языком теоретических дискурсов как форм социальной практики с политическими, экономическими и культурными факторами;
- на основе анализа основных функций языка выявить его роль в определении коллективной идентичности, государственного и национального строительства, а также в обеспечении социальной коммуникации и форм общения;
- в перспективе создания современной концепции языковых коммуникаций наметить направления, пути и принципы сочетания различных когнитивных практик и типов опыта, способов их регулирования в социальной структуре и контексте специфического «поля» европейской языковой политики;

- показать на основе рефлексивного подхода к самим философским основаниям теоретического осмысления и анализа эмпирического материала современные тенденции и подходы в социальной философии.

Теоретико-методологические основания исследования

Выбор методологии, используемой в работе, обусловлен спецификой предмета и задачами исследования. Роль языковых коммуникаций в обществе, формы их институализации и направления развития, особенности связанного с ними исследовательского поля, рассматриваются в работе в контексте трех типов факторов: эпистемологических, социально-философских (макросоциополитических и стратегических), оказывающих определяющее влияние на социальные коммуникационные практики, а также на используемую при этом методологию. Это обусловило обращение в работе к широкому межпарадигмальному и междисциплинарному подходу, сочетающему целый ряд методологических инструментов.

Что касается эпистемологического измерения, то исходной методологической позицией явилось рассмотрение понятий социальной и лингвистической коммуникации в контексте смены научной парадигмы: традиционной позитивистской трактовке коммуникации противопоставлена социально-конструкционистская традиция. Анализ эпистемологических дискурсов проводился с использованием исторического метода, основанного на критической рефлексии центральной методологической дилеммы современной философии – системно-структурного и деятельностного подходов. Эта дилемма показывается в работе на материале анализа концепций Н. Лумана (неофункционализма), Ю. Хабермаса (с точки зрения коммуникативного действия) и теории социальной практики П. Бурдьё, опосредующей оба подхода. Социально-эпистемологическая эволюция коммуникативной парадигмы прослеживается в рамках двух философских традиций – «аналитической» и «континентальной», отражающих макротенденции, связанные с соответствующими эпистемологическими константами: к Гумбольдту восходит представление о языке как деятельности (*energeia*), абстрактный объективизм представлен трудами Ф. де Соссюра. Понятие лингвистического габитуса П. Бурдьё, взгляд на общество как на самовоспроизводящуюся систему коммуникаций Н. Лумана и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса оказываются важными в объяснении современных коммуникационных процессов и их политического регулирования в контексте современного европейского общества.

Анализ макро-социополитических факторов, оказывающих влияние на коммуникационные процессы (формирования европейских национальных государств и глобализации) потребовал комплексного подхода, основывающегося на синтезе методологических платформ целого ряда дисциплин, когнитивных, социокультурных и политических практик: социальной теории, социолингвистики, критической лингвистики, языковой политики и планирования, культурной политики, и т.д. В работе широко используются методы герменевтики и интерпретации, применяющиеся не

только относительно теоретических дискурсов, но затрагивающие и эмпирическую сферу языковой политики и планирования. Важными для общей методологической базы исследования стали понятия лингвистического габитуса (П. Бурдье), дискурса, социокультурной идентичности, мультикультурализма, мульти- и плюралингвизма.

В целом методологическую основу работы составляет попытка синтеза системного и деятельностного подходов к социальной реальности на основе ряда понятий П. Бурдье, что не исключает широкого применения и традиционных общенаучных методов: анализа, сравнения, верификации, генерализации, систематизации, метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Наряду с анализом большого объема литературных источников, политических документов и отчетов, в том числе и новейшей зарубежной литературы, многие положения и выводы, к которым приходит автор в ходе исследования, являются результатом личного опыта жизни и работы в инокультурной среде и участия в проектах культурной политики в качестве стажера Совета Европы.

Научная новизна исследования

- определены социально-философские смыслы понятия языковых коммуникаций в контексте общих концепций социальных коммуникаций, эпистемологических парадигм и конкретных процессов образовательной политики;
- прослежена эволюция философского и теоретического понимания природы языка и социальной реальности на фоне коммуникативного и лингвистического «поворота» в социальном и гуманитарном знании в русле двух основных традиций – «континентальной» и «аналитической»;
- определены истоки, основания и проблемы формирования современной лингвистической культуры на европейском пространстве, определяемой дилеммами социального единства и культурного многообразия, языковой конвергенции и мультилингвизма, лежащими в основе развития языковых коммуникаций в европейском обществе;
- на примере ряда европейских стран обосновано существование взаимосвязи социальных интеграционных процессов с языковыми коммуникациями в процессе формирования социокультурной идентичности;
- установлены корреляции моделей языковой коммуникации и языковой политики с экономическим и политическим уровнями развития общества, лингвистической культурой, лингвистическим габитусом, культурной политикой;
- на основе анализа дискурса такой теоретической дисциплины, как языковая политика и планирование выявлено взаимодействие преобладающей парадигмы социогуманитарного знания с прагматическими и политическими аспектами социальной практики;
- обоснована необходимость применения междисциплинарного подхода для углубления понимания природы языковой политики и ее легитима-

ции как одного из способов управления языковыми коммуникациями в современном обществе;

Теоретическая и практическая значимость работы

Положения диссертации, основные теоретические и практические выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях социальных и языковых коммуникаций, а также в решении практических задач языковой политики и языкового планирования, в их интерпретации и критической оценке. Анализ эволюции социально-философских подходов в контексте коммуникативного и лингвистического «поворота» в социальном и гуманитарном знании может способствовать прояснению эпистемологических предпосылок современной политики в области культуры и коммуникаций. Опыт применения модели социальной практики П. Бурдьё к исследованию процессов регулирования лингвистическими коммуникациями может быть использован относительно подобных явлений социальной действительности. Методологические принципы, основные понятия и подходы к языковым коммуникациям могут быть включены в теоретические курсы по социальной философии, социологии культуры, социолингвистике.

Апробация работы

Основные идеи и полученные результаты представлены в авторской монографии «Расширение Европейского Союза на Восток: экономические последствия для стран – участниц». – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – 64 с.; в коллективной монографии «Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах» М.: ИС РАН, 2008. – с. 324-342; в 16 публикациях тезисов и статей, в том числе в 2 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для отражения результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук.

Теоретические и практические результаты диссертационного исследования апробированы в работе 9 конференций и симпозиумов (Омск, СИБИТ, 2008г.; Бишкек, 2007; Днепрпетровск, 2007; Тюмень, ТюмГУ, 2007; Тюмень, ТюмГУ, 2006), а также в рамках европейского проекта по культурной политике во время стажировки в Совете Европы (г. Страсбург, Франция) (февраль – август 2006 г.).

Структура и объем работы

Диссертация состоит из 3 глав, 6 параграфов, введения, заключения и списка литературы, из них 25 страниц составляет список литературы, содержащий 332 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *Введении* сформулированы цель и задачи исследования, определены его предметная область и теоретико-методологическая база, обоснованы актуальность и степень разработанности поставленной проблемы, отражены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Общество как совокупность потенциально возможных коммуникаций» уточняется предметное поле исследования, раскрываются смысловые взаимосвязи и эпистемологические предпосылки основных подходов к исследованию феномена социальных коммуникаций и роли лингвистических коммуникаций в социальной реальности в контексте теоретических и социально-политических факторов и в трансдисциплинарной и историко-герменевтической перспективе, конкретизируется категориальный аппарат. Глава включает два параграфа: «Эволюция коммуникативной парадигмы в социогуманитарном знании» и «Понятие социальных коммуникаций – социально-философские смыслы».

В первом параграфе в терминах двух философских традиций – англо-американской (аналитической) и «континентальной» (экзистенциально-герменевтической) анализируются эпистемологические предпосылки и теоретические источники, определяющие философские и теоретические направления в исследовании языковых коммуникаций. Несмотря на существенные различия между современными подходами, основу большинства из них составляют понятия социальной и лингвистической коммуникации. В этом отчетливо проявилась смена научной парадигмы, произошедшая во второй половине XX-го столетия и затронувшая практически всю совокупность научных представлений о мире. Переосмысление традиционной теории познания и появление новой метатеоретической парадигмы описывается как *«коммуникативный», «лингвистический», «риторический» или «дискурсивный поворот»*. Данный поворот во многом определен направлениями философской мысли, заданными идеями и взглядами двух ученых - В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра. Несмотря на условность различия данных направлений, одним из отличий континентальной философской традиции от аналитической стало стремление ее сторонников преодолеть оказываемое со времен ранней античности предпочтение когнитивной функции языка в ущерб его коммуникативной функции. Отказавшись видеть в языке лишь форму представления знания, *континентальная* философская традиция помещает в центр своих исследований значение языка как способа понимания, его отношение не только к объективному миру, но и к миру социальному, а также, к субъективным мирам, осуществляемое через коммуникативное взаимодействие и получающее лингвистическое выражение. Таким образом, язык в данной традиции рассматривается в своей многоаспектной мирораскрывающей функции. Несмотря на наличие существенных различий между философскими программами сторонников данной традиции, все их объединяет общее стремление к отождествлению языка и разума: взгляд на язык как конституирующий наш опыт, в строгом смысле, заданный самой

трансцендентальной философией. Наиболее развернутая версия данной концепции языка представлена в работах В. фон Гумбольдта. Суть подхода Гумбольдта состоит в том, что язык рассматривается им как связующее звено между субъективностью индивидуального сознания и объективностью разума, конституированного социальными процессами. Концепция языка, сформулированная Гумбольдтом, его понимание языка как деятельности (*energeia*) оставили глубочайший отпечаток на интеллектуальной традиции, начиная с классической филологии вплоть до современных социально-конструкционистских подходов. При этом отмечаемая в работах самого Гумбольдта противоречивость ролей языка в его мирораскрывающем и коммуникативном аспектах продолжает оставаться характерной чертой и работ большинства его последователей.

Другая, «аналитическая» традиция в философских подходах к языку, основанная на понимании Соссюром *Langue* как полностью автономной сети отношений между его элементами, получила широкое распространение в первой половине XX в. и в послевоенный период, причем не только в лингвистике, но и в целом ряде других областей социогуманитарного знания. С распространением модели Соссюра акцент в гуманитарных и социальных исследованиях смещается с документирования исторических событий или регистрации фактов человеческого поведения в направлении самого человеческого действия как системы значений. Это явилось результатом выхода на первый план идеи произвольной природы знака и представления о языке как о системе конвенций. Можно утверждать, таким образом, что «лингвистический поворот», проявившийся в творчестве Ф. де Соссюра, оказал огромное влияние не только на разработку методологии, используемой в целом ряде социогуманитарных дисциплин, но и на само их формирование, вызвав, тем самым, серьезную трансформацию всей интеллектуальной жизни XX столетия: язык все чаще становится основой в осмыслении социальных коммуникаций, одновременно выступая как сама социальная реальность и средство ее созидания.

Во втором параграфе «Понятие социальных коммуникаций – социально-философские смыслы» критически рассматриваются некоторые современные направления собственно социальной философии в изучении феномена лингвистических коммуникаций и их роли в социальной реальности на материале трех подходов (Н. Лумана, Ю. Хабермаса и П. Бурдьё). Эти подходы представляют собой различные варианты решения одной из наиболее актуальных для современной социальной теории дилемм – структуры и действия.

Теория социальных систем, Н. Лумана, характеризуемая иногда как *методология конструктивизма*, в ее ранних вариантах формулируется в оппозиции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и представляет собой своеобразную версию «неофункционалистского» подхода, интегрирующего элементы структурного функционализма Т. Парсонса, общую теорию систем и ряд идей из общей теории коммуникации и биологии. В ней впервые в наиболее полном виде был представлен отмечаемый многими

парадигмальный сдвиг, характеризуемый сменой парадигмы целенаправленной деятельности парадигмой действия коммуникативного. Н. Луман, отвергая теорию действия, разрабатывает оригинальную общую теорию, в соответствии с которой общество является системой, охватывающей все формы социальной коммуникации, а люди относятся к окружающей среде общества. В работах 1980-х – 1990-х гг. Луман формулирует то, что позже получило название «парадигмы самоорганизации» в социологии, научная программа которой состоит в том, чтобы рассматривать все социальные системы как специфические коммуникативные системы и исследовать каким образом и в какой степени они могут само-организовываться. Функцией социальных систем, как считает Луман, является редукция сложности социального мира: по мере дифференциации социальных систем в них возникают подсистемы, которые становятся все более автономными и воспроизводят себя «аутопойэтически». Аутопойэсис, в широком смысле, определяется как способность организма к мониторингу своей окружающей среды, ее регулированию и адаптации к ней. Социальные системы, таким образом, могут быть описаны как системы коммуникации, конституируемые аутопойэтически посредством управления информацией, в частности, информацией об окружающей среде. В отличие от использования понятия действия, когда едва ли возможно избежать внешних референций, использование понятия коммуникации позволяет, по Луману, представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций.

Коммуникация, рассматриваемая Луманом как трехзвенное единство (информации, сообщения и понимания) может быть воспринята или отклонена - отсюда, как подчеркивает Луман, полемизируя с Ю. Хабермасом, следует, что неверно приписывать коммуникации имманентную, квази-телеологическую тенденцию к консенсусу. Признавая очевидность того, что коммуникация невозможна без какого-либо согласия; он указывает, что она невозможна также и без какого-либо разногласия. Язык, по мнению Лумана, выступает основополагающим медиумом коммуникации, гарантирующим регулярный, развертывающий себя как продолжающийся аутопойэсис общества. Он обеспечивает отдельное существование коммуникации и сознания, а также общества и индивидуума, соединяя системы, несмотря на различия в способах их оперирования. Язык достигает этого за счет своей искусственной необычности в акустической среде звуков и затем в оптической среде письменности. Именно существование языка допускает любую другую неязыковую коммуникацию, однако его функция состоит не в опосредовании и референции в отношении внешней среды, а исключительно в структурном соединении. При этом, как и все структурные соединения, язык обладает эффектом включения и исключения: он повышает возбудимость сознания посредством коммуникации и возбудимость общества посредством сознания. Исключительная важность языка, таким образом состоит в том, что он обеспечивает рефлексивность процесса коммуникации и тем самым способствует саморегуляции.

Несмотря на то, что теория систем Лумана стала одной из ведущих социальных теорий XX в. и способствовала возрождению интереса к теории систем, она не свободна от недостатков и подвергается критике за определенную ограниченность в некоторых аспектах. Объектами критики, например, служат такие моменты его теории, как тезис о том, что дифференциация представляет собой ключ к описанию развития общества и растущей сложности социальных систем при их взаимодействии с внешней средой, представление о замкнутости и автономности систем и др. Серьезные попытки преодоления ограниченности системного конструктивизма Н. Лумана представлены в деятельностных подходах Ю. Хабермаса и П. Бурдые.

В отличие от неофункционализма Н. Лумана, отвергающего теорию действия в пользу нео-системно-структурного подхода, Ю. Хабермас иначе трактует идею коммуникации как основы социальности. Его концепция коммуникативной рациональности рассматривается нередко как попытка сохранения универсализма кантовского понимания разума в духе гумбольдтианской традиции, основывающейся на отождествлении языка и разума. В концепции коммуникативного консенсуса Хабермаса мир как совокупность возможных фактов не просто репрезентирует себя в языке - скорее он конституирует себя с помощью языка для некоторого сообщества интерпретаторов, члены которого, в процессе коммуникации, пытаются достичь взаимопонимания и рационального согласия. С его точки зрения, решение многих социальных проблем могло бы состоять в рационализации коммуникативного действия. Рационализация, предлагаемая им, ведет, однако, не к новому способу производства, как у Маркса, а к новой нормативной системе человеческих отношений. Итогом социальной эволюции, по мнению Хабермаса, должна стать рациональная социальная организация, то есть свободно «коммуницирующее» общество.

Сравнивая свою концепцию с классической концепцией практического разума, Хабермас указывает на два отличия: 1) коммуникативный разум не может быть «приписан» некоторому субъекту, будь то индивидуальный субъект или же макросубъект гегельянско-марксистской традиции. Носителем его является, скорее, сама среда языка, понятого как языковая деятельность. «Приватизация» языка была бы равнозначна его разрушению в силу самой его intersubjectивной сущности; 2) коммуникативный разум не является источником норм действия. Любое принятое в результате консенсуса решение остается принципиально погрешимым, требуя последующей корректировки - таким образом, коммуникативный разум порывает с нормативизмом разума практического.

В понимании коммуникативного действия вполне отчетливо проявился «лингвистический поворот» Ю. Хабермаса: отмечая, что язык передает информацию и в то же время, интегрируя действие, выражает тот или иной интерес, он, тем не менее, считает, что в коммуникативном действии происходит «прерывание» трансмиссии информации, связанной с интересами, лежащими вне самого языка. Происходит своеобразный сдвиг перспективы – от объективирующего отношения говорящего, ориентированного на успех в мире

вне языка, - в сторону перформативного отношения говорящего, стремящегося к взаимопониманию со слушающим по поводу той или иной ситуации.

Одной из проблем подхода Хабермаса, вызывающей критику его теории, является генерализированное понимание «не-Я» (the other), как лишенного конкретной материальной, культурной и исторической оболочки. Серьезная попытка преодоления абстрактности «коммуникативного идеализма» социальной теории Ю. Хабермаса предпринимается в работах французского теоретика П. Бурдьё. Его подход представляет собой одну из наиболее значимых попыток решения проблемы структуры и действия путем их интеграции, преодоления противопоставления «субъективизма» и «объективизма». Признавая существование «независимых структур, независимых от сознания и воли агентов, которые способны сдерживать и направлять свои практики или свои представления, он, в то же время, занимает конструкционистскую позицию, позволяющую ему рассматривать генезис схем восприятия, мысли и действия, а также социальных структур. В основе его подхода к языку лежит понятие социальной практики. Он стремится показать, в какой мере язык представляет собой социально-исторический феномен, подчеркивая, что лингвистическое взаимодействие – это обыденная практическая деятельность, как и все прочие. «Идеальной компетенции» Ю. Хабермаса Бурдьё противопоставляет «практическую компетенцию», или «практический смысл», то есть способность носителя языка не только «порождать» высказывания, но и адекватно встраивать их в свои практические стратегии, имеющие многочисленные функции и тесно связанные с отношениями власти и авторитета между участниками коммуникации. В отличие от Ю. Хабермаса, П. Бурдьё стремится показать, что любая «власть», или «сила» речевых актов обусловлены, в первую очередь, социальным институтом, частью которого они являются.

Последствия расхождений между Хабермасом и Бурдьё, таким образом, можно полностью понять лишь на уровне самого понятия «язык», которое отныне не может быть сведено только к роли средства трансмиссии информации («стратегическое действие»), или к источнику социальной интеграции («коммуникативное действие»), в изоляции от анализа проблемы символического насилия и условий его эффективной реализации. Речь, фактически, идет о двух различных подходах к разуму. Для Бурдьё разум имеет историю, он не вписан в структуры человеческого мозга или языка, проявляясь скорее в определенных типах исторических условий. По его мнению, нет необходимости предполагать существование «надисторических универсалий коммуникации», однако вполне возможно познание существующих форм социальной организации коммуникации, способных благоприятствовать производству универсального.

Язык, с точки зрения П. Бурдьё, не просто передает опыт его носителей, он сам является опытом в том смысле, что пользующийся им индивид исторически «встроен» в тот или иной социальный контекст. Вместо того, чтобы подходить к языку как к закрытой системе, как это делает Луман, в качестве центрального элемента он рассматривает говорящего вместе с

конкретными условиями самой коммуникации, считая, что условия производства сообщения тесно связаны с условиями его восприятия. Бурдьё не отрицает автономную природу языка как «структурированную структуру» (средство коммуникации, язык или культура *versus* дискурсивное поведение), однако, он подчеркивает, что язык – это и «структурирующая структура», представляющая собой инструмент познания и конструирования объективного мира, а, следовательно, способная выступать и инструментом доминирования.

Введя в теорию практическое измерение, Бурдьё отказывается от привычных оппозиций и антиномий – индивида и общества, действия и структуры, свободы и необходимости, и т.п. Он основывается лишь на одной широкой дихотомии – «субъективизма» и «объективизма», давая этим понятиям свою интерпретацию. Ключевым для его теории практики является при этом понятие «габитуса», который он понимает как некий набор диспозиций, детерминирующий те или иные действия и реакции агентов. Данные диспозиции генерируют практики, восприятия и отношения, которые воспринимаются как «нормальные», несмотря на то, что они не регулируются на сознательном уровне и не подчинены неким «правилам». Указанные диспозиции обладают устойчивым характером: будучи «встроены» в телесность человека, они имеют обыкновение сохраняться на подсознательном уровне на протяжении всей его жизни. Кроме того, они способны передаваться и порождать множество практик и восприятий за пределами той области, в которой первоначально возникли. «Габитус», таким образом, оказывает заметное воздействие на формирование восприятия жизни и на выбор стратегий поведения во всех жизненных ситуациях. Он ориентирует действия и склонности, не детерминируя их в строгом смысле этого слова, а скорее формируя «ощущение правил игры», или, по выражению Бурдьё, «практический смысл» (*le sens pratique*).

В своем подходе к языку и лингвистическому взаимодействию П. Бурдьё опирается на изложенные выше взгляды на социальную практику. Лингвистические высказывания и выражения для него – это формы практики, и в этом смысле они должны рассматриваться как продукт взаимодействия между «лингвистическим габитусом» и «лингвистическим рынком». «Лингвистический габитус» – это в свою очередь один из «наборов» диспозиций, характерных для данного габитуса, приобретенных в процессе восприятия и обучения языку в тех или иных конкретных контекстах – в семье, в обществе сверстников, школе, и пр. Именно эти диспозиции направляют последующие лингвистические практики индивида, а также его оценки и ожидания по отношению к иным «лингвистическим продуктам» в других социальных «полях». В обществе, говорящем на едином языке, такая практическая способность распределена далеко не равномерно, разные слои населения обладают различными возможностями и способностями адаптироваться к лингвистическому «рынку», то есть обладают различным количеством того, что П. Бурдьё называет «лингвистическим капиталом». Более того, распределение «лингвистического капитала» связано с конкретными способами дистрибуции иных форм капитала – экономического,

культурного, и пр., - конфигурация которых и определяет место индивида в данном социальном пространстве. Природа символической власти, или «символического насилия», таким образом, имеет двойственный характер: она основана не столько на осознании или распознавании символических способов его проявления, сколько на скрытом, неосознаваемом его действии, как результате воздействия специфического «габитуса». Власть или насилие оказываются, таким образом, «встроенными» в сами институты. Из этого следует, что для того, чтобы установить, каким образом символическая власть осуществляется и воспроизводится в современных обществах, необходимо внимательно рассмотреть, как в различных социальных «полях» и «рынках» возникли институализованные механизмы приписывания той или иной «ценности» различным продуктам, каким образом эти продукты распределяются и как внушаются убеждения в их ценности. Что касается лингвистического капитала как одного из способов реализации символической власти, то примерами подобных механизмов являются, как справедливо считает П. Бурдьё, система образования вообще и лингвистическое образование, в частности, а также языковая политика - как официальная, так и имплицитная. Критический подход П. Бурдьё, представляющий собой серьезную попытку опосредования объективистского позитивизма классических структурных интерпретаций и радикальных субъективистских герменевтических подходов, оказывается чрезвычайно актуальным для понимания современных процессов языковой коммуникации и языковой политики как социальных практик.

Несмотря на существенные, а в некоторых случаях – принципиальные - различия как в подходах, так и в концептуальных аппаратах рассмотренных концепций, все они, а также и некоторые другие известные теоретические социокультурные модели, такие, как «сетевое общество» М. Кастельса, «общество риска» У. Бека и т.д., объединяет то, что коммуникация и язык занимают в них центральное место. В русле отмеченного коммуникативно-лингвистического поворота само общество все чаще рассматривается как «коммуникация», «текст» или «дискурс». Одним из важнейших проявлений интенсификации и расширения социальных коммуникаций, приобретающих все более тотальный характер и охватывающих практически все измерения социокультурной действительности, выступает глобализация. Это сопровождается резким возрастанием значения языковых коммуникаций, при одновременном нарастании напряжения между обостряемым глобализацией стремлением к социальному единству с одной стороны, и культурному своеобразию - с другой. Это чрезвычайно актуализирует анализ языковых процессов и попыток их политического регулирования.

Таким образом, анализ основных подходов к изучению языковых коммуникаций, проведенный в первой главе позволил прояснить особое значение темы – языковые коммуникации как объект социально-философского анализа, продемонстрировать и обосновать необходимость данного понятия для анализа природы и структуры социокультурной реальности, для разработки теории современного общества в целом.

Во второй главе «Языковые коммуникации и их роль в социальной реальности» исследуются способы взаимодействия связанных с языком теоретических дискурсов как форм социальной практики с политическими, экономическими и культурными факторами. Глава состоит из двух параграфов – «Социокультурная идентичность и модель языковой общности» и «Коммуникативный аспект европейской интеграции: между социальным единством и культурным своеобразием». В первом параграфе решается задача выявления роли языковых коммуникаций в определении коллективной идентичности, государственном и национальном строительстве, а также в обеспечении социального взаимодействия и форм общения, с учетом основных функций языка.

Под идентичностью в общем смысле понимается отождествление отдельных индивидов или социальных групп с той или иной ролью в процессе социального взаимодействия, ассоциирование самих себя и других с тем или иным местом в различных «мирах» социальных коммуникаций. Соответственно, речь может идти об индивидуальной или коллективной, социальной и / или культурной, идентичности, хотя на практике идентичность чаще всего представляет собой сложную гибридную форму как результат комплексных социальных взаимодействий. Как показывает анализ европейского контекста, формирование национальной идентичности происходило различными путями и зависело от конкретных исторических ситуаций, что определило существование различных форм национализма и теоретических подходов к его объяснению. Национализм может пониматься как дискурс, или совокупность риторических практик, являющихся выражением и одновременно направленных на формирование определенного мышления и устремлений индивидов, как проект, включая в себя социальные движения и государственную политику, преследующие те или иные интересы общностей (наций), либо как способ оценки: в данном случае под ним подразумеваются политические и культурные идеологии. Основные подходы к понятию национальной идентичности (с точки зрения «примордиальности», модернизма, социального конструкционизма и др.) критически рассматриваются в данном параграфе. Поскольку центральное понятие всех данных подходов – нация – представляет собой комплексный феномен, образуемый совокупностью культурных, политических и психологических факторов, современные дискуссии о национализме сводятся, по сути, к спорам по поводу преобладания тех или иных его компонентов.

Формирование государств рассматривается как один из наиболее важных факторов в изменении формы и значения культурных различий, наряду с распространением рыночных и производственных отношений и другими процессами. Оно приводит к появлению армий, росту административной унификации, строительству дорог, языковой стандартизации, распространению систем народного образования, росту новых медийных коммуникаций и видов коллективного воображения, а также развитию новой риторики коллективной идентичности и возможностей для коллективного действия. Все эти и многие другие изменения способствуют возникновению нового сознания

национальной идентичности. Это происходило различными путями, однако лингвистическое измерение всегда оставалось центральным. Если в основе стремления к общности языка лежала его инструментальная или коммуникативная функция, то само конструирование современных национальных государств потребовало акцентирования и его символической функции - как в гражданской, так и в этнической моделях государства. Формирование современной модели языковой общности, таким образом, оказывается тесно связанным с историей формирования европейской государственности в последние два столетия. В зависимости от того, на какой основе создавалось национальное государство, речь может идти о двух моделях: наций, построенных на этноязыковом принципе, и государств, созданных на основании принципа гражданства. Примером первого типа может служить Германия, второго – Франция.

Вопрос о роли языка в формировании национальной идентичности и поддержании национальной общности остается, тем не менее, достаточно дискуссионным, так же, как и сами понятия нации и национализма. В различных теориях национализма языку отводится неоднозначная роль. Для сторонников этнолингвистического национализма, связанного с примордиалистскими и мифологическими воззрениями, он выступает в качестве мистического и мифического символа объединения, в «модернистских» подходах лингвистическая унификация рассматривается как «побочный продукт» индустриализации и развивающейся демократии, в социально-конструкционистских интерпретациях язык понимается как дискурс: инструмент и, одновременно, продукт творческого процесса, в ходе которого конструируется нация.

Идея монолингвизма была распространена и закреплена в традиции многими институтами национального государства – законодательной системой, армией, политическими и административными структурами и, прежде всего, системой образования, однако политика языковой унификации не может рассматриваться исключительно лишь как непосредственное следствие государственного централизма. Для объяснения взаимодействия лингвистического измерения с социальными трансформациями и лежащими в их основе властными отношениями продуктивным оказывается применение концептуального аппарата П. Бурдьё, в частности, его понятий «лингвистического габитуса», «символической власти», «лингвистического капитала», «практического смысла» и др., представляющих собой основу комплексной модели для анализа социокультурной роли языка.

Как показывается во втором параграфе, несмотря на то, что национальная социокультурная - и в том числе лингвистическая идентичность - сохраняет свое значение, как в европейском, так и в мировом масштабе, вполне очевидно, что культурное многообразие в современном европейском обществе все чаще становится одним из источников социального конфликта и политических споров. Небывалая мобильность все больше усиливает диверсификацию населения «старых» монолингвальных государств и ведет к развитию полиэтничного и мультикультурного общества. Эти процессы, вместе с

процессами деколонизации и кодификации всеобщих человеческих прав, сопровождаются возрождением этнических движений и мультикультурализмом. При этом отмечается обострение ряда существовавших ранее или возникновение новых противоречий и, одновременно, происходят существенные сдвиги в ощущении идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Иммигрантские религиозные и этнические меньшинства, сохраняя групповую организацию, сохраняют и соответствующую религиозную и этническую идентичность, что не позволяет им до конца проходить процессы ассимиляции. Более того, как свидетельствует европейская практика, иммигрантские меньшинства осуществляют активное сопротивление процессу ассимиляции и «растворения» в большом обществе. В результате универсальное культурно-нормативное пространство национально-государственной территории разрывается, в нем образуются инокультурные лакуны, нарушается единая система смысловых коммуникаций. Язык при этом, несмотря на различие в интеграционных моделях и стратегиях адаптации иммиграционных культур, продолжает играть роль одного из важнейших факторов формирования социокультурных идентичностей, определяя, в то же время, идеологии и политические отношения. Современные государства, испытывающие все возрастающее давление со стороны тех или иных этнических групп, вынуждены при этом реагировать адекватной культурной и языковой политикой.

Ответной реакцией на социокультурные вызовы глобализации служит все более распространяющийся дискурс мультикультурализма. Несмотря на неоднозначность интерпретаций и, соответственно, оценок, он является одним из доминирующих современных социокультурных и политических течений. Будучи задуман в качестве проекта равного продвижения различных культур в публичном пространстве, для его сторонников мультикультурализм представляет собой средство решения все более актуализирующейся проблемы идентичностей, для создания условий мирного сосуществования групп с отличными друг от друга культурными ценностями внутри единой политической организации. С данной точки зрения он охватывает собой поле общественной политики, гражданства, школы, работы, средств массовой информации и лингвистического планирования.

Дилемму социального единства и культурного многообразия, лежащую в основе современных европейских противоречий в сфере интеграции, можно рассматривать как проявление напряжения между глобализацией и локализмом, которое, в свою очередь, отражает в своих причинах и следствиях характерную черту современности, состоящую в ослаблении идеи национальных институтов. Роль языка при этом как социокультурной детерминанты существенно возрастает. Таким образом, проблемы лингвистической коммуникации, стоящие перед современными странами – членами Европейского Союза, обусловлены с одной стороны, исторически сложившейся в Европе социально-политической системой национальных государств, с монолингвизмом как частью исторического культурного наследия объединившихся в Европейский Союз стран, а с другой – нарастающими глобальными тенденциями.

Третья глава «Языковая конвергенция и плюрализм в европейской интеграции» посвящена анализу взаимодействия преобладающей парадигмы социогуманитарного знания с прагматическими и политическими аспектами социальной практики на примере анализа теоретического дискурса языковой политики и планирования.

В первом параграфе «Модель плюрализма в европейской языковой политике: замысел и воплощение» проведена критическая реконструкция эволюции «Языковой политики и языкового планирования» как теоретической дисциплины в контексте трех типов факторов: эпистемологических, макро-социополитических и стратегических, оказывающих определяющее влияние на социальные коммуникационные практики. Уже на этапе формирования национального государства с его идеалом монолингвизма особую актуальность приобретает политическое планирование в сфере языка. С развитием европейской общности – как на национальном, так и транс-национальном уровнях, потребность в институте лингвистической политики ощущается еще более остро. Это приводит к появлению теоретической дисциплины, тесно переплетенной с политической и социальной практикой – «языковой политики и языкового планирования», что в значительной степени было обусловлено соответствующим уровнем развития таких теоретических дисциплин, как лингвистика, социолингвистика, социология, социальная и политическая теории.

Три этапа становления языковой политики и планирования рассматриваются в работе в корреляции с преобладающими в каждый временной период направлениями теоретического знания и социокультурными особенностями. Так, на первом этапе цели языкового планирования ассоциировались со стремлением к объединению (региона, нации, политических, религиозных или иных групп), стремлением к модернизации, эффективности, демократизации, язык рассматривался как обладающий ценностью ресурс. При этом планирование языкового статуса и языкового корпуса рассматривались как идеологически нейтральные, а языки, как правило, исследовались на основе системного подхода, в изоляции от их социоисторических контекстов. На втором, «неоколониальном», этапе (начало 1970-х – конец 1980-х гг.), в центре внимания оказываются вопросы социальных, экономических и политических эффектов лингвистических взаимодействий, выявление того, какими именно способами язык, с одной стороны отражает, а с другой – формирует отношения социоэкономического и политического неравенства, проблемы статуса и отношений между языковыми сообществами в специфических социокультурных контекстах. Этому способствовало и появление новых взглядов и теоретических подходов, в частности, критики позитивистских представлений. Под вопрос была поставлена сама возможность планирования языка. Одним из влиятельных является историко-структурный подход, представленный, например, «критической лингвистикой», исходящий из предпосылок о том, что языковое планирование и языковая политика репрезентируют и отражают социополитические и экономические интересы мажоритарных или

доминирующих социальных групп. При этом, как подчеркивается, эти интересы часто имеют имплицитный характер и встроены в идеологии, поддерживающие социоэкономические интересы правящих элит.

Современный этап в развитии языковой политики Европейского Союза во многом определен радикальными переменами социополитического и экономического характера, такими, как возрождение национально-этнических идентичностей в странах бывшего Советского Союза; массовые миграции населения, охватывающие Африку, Азию, Америку и Европу; усиление новых региональных коалиций, таких как Европейский Союз, глобализация капитала, технологий и коммуникаций и связанные с ними угрозы маргинализации отдельных языков и культур, репатриация бывших колоний и т.д.

В нормативной перспективе можно говорить о двух основных подходах к оценке роли и значения языка в политическом измерении. Первый из этих подходов основывается на инструментальном аргументе, подразумевающим взгляд на язык как на инструмент, способствующий развитию социополитической жизни общества, при втором подходе подчеркивается самоценность языка как первичного блага. В качестве примера первого подхода в работе рассматривается модель конституционального патриотизма Ю. Хабермаса. Язык в данной модели выступает коммуникативной средой обсуждения, что предполагает наличие *общего* языка, обеспечивающего саму возможность политического участия. Если с других позиций язык может рассматриваться как благо с внутренне-присущей ему ценностью, в инструментальной политической перспективе он выступает как благо для достижения каких-то иных целей, в частности для осуществления совместных коммуникативных практик политическими акторами. В мультикультурных и мультилингвальных обществах вопросы лингвистической политики, например, вопрос о выборе официального языка, не может быть решен на основании имманентных ценностных критериев. Хотя с точки зрения Ю. Хабермаса, коммуникативный подход в оценке языка не следует рассматривать как чисто инструментальный подход, поскольку основная цель в данном случае – это достижение взаимопонимания, а не успеха или доминирования, его оппоненты подчеркивают, что пока речь идет о языке вообще, а не о каком-то конкретном языке, трудно оценить его значимость относительно каких-либо иных целей его использования.

Для сторонников подхода к языку как к самостоятельному благу, наряду с культурой в целом, язык обладает самоценностью как результат творческой деятельности человечества. В этом смысле он оказывается тесно связанным с процессом формирования идентичности членов данной культурной группы. Эта парадигма, основывающаяся на понятии мультикультурализма, направлена на развитие гражданского общества на основе политической модели плюрализма. В центре данной модели находится идея лингвистического многообразия, лингвистических прав как неотъемлемой части прав человека, при этом в плане языковой политики такому подходу соответствует протекционистская позиция, мультилингвизм, направленный на придание равного статуса всем основным языкам, используемым в данном политическом сообществе.

Несмотря на различия в рассмотренных подходах к роли языка в обществе и соответствующей им языковой политике, все их объединяет убеждение в тесной взаимосвязанности культуры, языка и политической идентичности. Принципы, лежащие в основании данных моделей - «социетальной культуры» и мультикультурализма – во многом формируют и направляют не только национальную языковую политику европейских государств, но и отчасти легитимируют над-национальную политику Европейского Союза, декларирующую принцип плюралингвизма. Нормативная модель общества, заложенная в международных правовых инструментах, касающихся лингвистических прав, определена новой парадигмой в теоретизировании языковой политики, представляющей собой синтез элементов модели социетальной культуры, критической теории и «лингвистической экологии». В рамках данной парадигмы на общеевропейском уровне одним из исходных является положение о том, что, в отличие от отдельных национальных государств, в которых преобладание принципа монолингвизма было достаточным условием формирования идентичности, Европа как общность не является политической системой. Европа представляется как фундаментально новое образование, некое плюральное пространство с множеством языков и их разновидностей, олицетворяющих культурное многообразие. Сохранение европейского языкового многообразия не является конечной целью, поскольку по своей важности оно сопоставимо с задачей создания более свободного, толерантного и справедливого общества, построенного на принципах солидарности, общих ценностях и культурном достоянии, само-обогащающегося за счет собственного многообразия. «Конструирование» плюралингвального и плюракультурного «гражданина Европы» рассматривается, таким образом, в качестве одной из важнейших социально-политических задач Европейского Союза. Язык, при этом, выходит на центральное место как средство проявления демократичного гражданства в Европе, как возможность принятия участия в политической и общественной жизни. Хотя термины «мультилингвизм» и «плюралингвизм» нередко используются как синонимы, мультилингвизм описывает ситуацию сосуществования нескольких языков в рамках данной территории, в то время как плюралингвизм относится к компетенции говорящего.

Несмотря на очевидную гуманистическую направленность политики плюралингвизма, дискурс коммуникативных навыков и компетенций, на который эта политика во многом опирается, вызывает определенные сомнения, поскольку он отчасти определяется глобальной идеологией «эффективной коммуникации», подразумевающей не тот или иной конкретный язык, а, скорее, специфические жанры и стили общения. Это может привести к тому, что, несмотря на кажущееся разнообразие языков, все они могут оказаться проводниками одних и тех же ценностей и инструментами выражения схожих идентичностей. При этом, некоторые понятия данного дискурса основываются на позитивистском понимании самой коммуникации лишь как обмена информацией, что представляет собой продолжение тенденции рационализации и стандартизации, охарактеризованной Дж. Ритцером как «макдональдизация».

Кроме того, сама риторика плюрализма нередко не учитывает реальный социокультурный контекст и приходит в столкновение с прагматическими интересами отдельных социальных групп и властными отношениями.

Во втором параграфе «Языковая конвергенция как социокультурный фактор глобализации» рассматривается один из наиболее дискутируемых вопросов в европейской языковой политике - о необходимости общего для Европы средства коммуникации, и в частности, о роли английского языка как «лингва франка». Наряду с «экологической парадигмой», в европейской языковой политике существует и активно развивается и другая языковая идеология, основывающаяся на экономическом принципе. Эта идеология, получившая значительный импульс благодаря процессу экономической глобализации и стремительному развитию коммуникационных технологий, направлена на обоснование необходимости существования единого языка, который снизил бы затраты, связанные с мультилингвизмом. При этом, как очевидно из подхода Ю. Хабермаса, аргументация тенденции к лингвистической гомогенизации Европы не исчерпывается лишь экономическими аргументами: необходимость обеспечения полноценного участия граждан в европейских политических процессах также предполагает наличие единой коммуникационной среды.

Политические и теоретические оценки «глобализации английского языка» далеко не однозначны. Разногласия касаются как самих факторов, способствующих данному процессу, так и вопроса о его возможных последствиях, в частности, того, не представляет ли собой все более активное проникновение *lingua franca* непосредственной опасности для множества других языков, особенно языков менее многочисленных национальных сообществ, не будут ли лингвистические преимущества отдельных групп имплицитно воспроизводить неравенство и способствовать, тем самым, углублению социальной дифференциации, возможно ли вообще сосуществование двух мировых тенденций – к гомогенизации, с одной стороны, и к гетерогенности – с другой. Основные позиции по этому вопросу критически представлены в работе.

Один из вариантов возможного опосредования крайностей в интерпретации роли английского языка как языка межкультурного общения (борьбы с распространением английского языка и обвинений его в лингвистическом империализме, с одной стороны, и провозглашением его в качестве единственной коммуникативной панацеи и языка «прогресса» - с другой) представлен подходом Дж. Хауса, предлагающего радикально пересмотреть лингвистическую норму, управляющую дискурсом английского как лингва-франка (АЛФ): вместо того чтобы сравнивать АЛФ с нормами оригинального языка, было бы гораздо продуктивнее открыто признать его гибридный характер, как имеющий в своем репертуаре гетерогенные источники. Очевидно, что вопросу об угрозе лингвистической гомогенизации сложно вынести однозначный вердикт, поскольку сам этот вопрос имеет политическое значение. Проблема взаимосвязи, существующей между английским языком и плюралингвизмом таким образом является скорее

проблемой социокультурного, чем социолингвистического характера: возрастающая культурная гетерогенность общества с присущим ей мультилингвизмом сталкивается с монолингвальным габитусом традиционных европейских наций. Это создает две противоречивые лингвистические тенденции: с одной стороны, глобализация приводит к усилению роли английского языка как международного средства общения, с другой - к формированию и развитию разнообразных форм мультилингвизма.

Итогом третьей главы, таким образом, явилось установление корреляций моделей языковой коммуникации и языковой политики с экономическим и политическим уровнями развития общества, лингвистической культурой, лингвистическим габитусом, культурной политикой на основе теоретических обобщений первых двух глав и эмпирического материала.

В *Заключении* подводятся итоги проведенного исследования, даются оценки, делаются выводы и обобщения и намечаются перспективные направления дальнейшей работы по данной теме.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографические издания

1. Телегин Д.В. Расширение Европейского Союза на Восток: экономические последствия для стран – участниц. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. – 64 с. (4 п.л.) - Монография.

Статьи и тезисы

2. Телегин Д.В. Язык как социальная практика: о «лингвистическом капитале» П. Бурдые // Вестник Тюменского государственного университета, №8, 2006. - С.9-17. (0,6 п.л.). – Статья.
3. Телегин Д.В. Проблема экономической целесообразности расширения Европейского Союза на Восток в аспекте союзного бюджета // Вестник Тюменского государственного университета, №4, 2004. С.218-225. (0,5 п.л.). – Статья.
4. Телегин Д.В. Лингвистическая политика в образовании: Россия и Европейское Сообщество // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Гуторов В.А., Кононыгина Т.М. и др.- М.: ИС РАН, 2008. – 400 с. (22 п.л.) - (авторский вклад 1,1 п.л.) - Коллективная монография.
5. Телегин Д.В. Языковое планирование как фактор формирования европейской культуры // Социально-экономические системы: современное видение и подходы. Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. 8 февраля 2008. – Омск: СИБИТ, 2008. – С. 289-298. (0,5 п.л.). – Тезисы.

6. Телегин Д.В. Глобализация и европейская интеграция в перспективе языковой политики // Вызовы современности и философия. Материалы «Круглого стола», посвящ. Дню философии ЮНЕСКО. 16 ноября 2006.- Бишкек, 2007. – С.128-138. (0,6 п.л.). – Статья.
7. Телегин Д.В. Языковая политика как способ преодоления межэтнических конфликтов: европейский опыт // Общество как со-бытие: «система» и «жизненный мир». – Омск: СИБИТ, 2007. – С. 389-411. (1,1 п.л.). – Статья.
8. Телегин Д.В., Телегин В.Н. *English* в глобальном мире // Традиция, духовность, правопорядок. – Материалы II всероссийской научной конференции 18-19 мая 2007. - г. Тюмень: МВД РФ, Тюменский юридический ин-т, 2007. – С. 68-70. (0,1 п.л.). – Тезисы.- (Авторство не разделено).
9. Телегин Д.В. «Лингвистическая глобализация»; исторические предпосылки, социокультурные факторы и политические прогнозы // Социум и власть. - №1(13), 2007. – С. 96-108. (1,2 п.л.). – Статья.
10. Телегин Д.В. Лингвистический капитал как способ реализации символической власти: П. Бурдьё // Ключевые аспекты научной деятельности - 2007. - Материалы II международной научно-практической конференции. – Том 7. – Днепропетровск: Наука и образование, 2007. – С.40-42. (0,1 п.л.). – Тезисы.
11. Телегин Д.В. Лингвистическое образование «в течение жизни» как инструмент реализации задач Болонского процесса //Формирование инновационного потенциала вузов в условиях Болонского процесса.- Материалы II международной научно-методической конференции. - Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2007. – С.138-140. (0,1 п.л.). – Тезисы.
12. Телегин Д.В., Рычков Ю.С. Об экономических последствиях бюджетных дефицитов // Известия Международного института финансов, управления и бизнеса. – Ежегодный науч. сборник. – Вып. 3. –Тюмень: Вектор Бук, 2006. - С.151-155. (0,2 п.л.). – Статья. - (Авторство не разделено).
13. Телегин Д.В. Принцип «плюралингвизма» в европейской языковой политике // Роль университетов в международной интеграции регионов. - Материалы международной научно-практической конференции. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2006. – С.167-169. (0,2 п.л.). – Тезисы.

14. Телегин Д.В. Проблема ценностей в европейской языковой и культурной политике //Этика, мораль, нравственность: Россия и современный мир. – Материалы Всероссийского симпозиума. – 26-27 октября 2006 г. – Ч.2. – Тюмень: РИЦ ТГИИК, 2006. – С.156-164. (0,4 п.л.). – Тезисы.
15. Телегин Д.В. О некоторых тенденциях европейской языковой политики //Вторые Лойфмановские чтения: Универсалии культуры. – Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во УРГУ, 2006 – С.159-164. (0,3 п.л.). – Тезисы.
16. Телегин Д.В. Дискуссионный вопрос позитивных эффектов приватизации в условиях экономической трансформации // Вестник Тюменского государственного университета, №3, 2006. С.150-154. (0,4 п.л.). – Статья.
17. Телегин Д.В. Языковые, культурные и экономические аспекты коммуникационной политики в условиях глобализации // Науки о культуре в XXI веке. – Материалы ежегодной конференции молодых ученых. – М.: РИК, 2008. – С. 264-273. – (0,6 п.л.) - Тезисы.
18. Телегин Д.В. Модель плюралингвизма в современной социальной политике Европы: замысел и воплощение // Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. – М.: ИФРАН, 2008. – С.139-160.- (1 п.л.). – Статья.

Всего по теме диссертации опубликовано 18 работ - 12,8 п. л.

Подп. к печ. 08.09.2008 Объем 1,75 п.л. Заказ № 119 Тираж 100 экз.
Типография МПГУ

10-